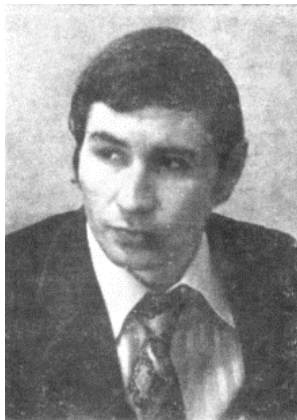

Геннадий Михайлович Лысенко прожил без нескольких дней 36 лет (1941–1978). Немного. Тем не менее, сумел оставить в современной русской поэзии заметный след.

Писать стихи Лысенко начал довольно поздно. Как он сам говорил, – в том возрасте, когда Павел Васильев (один из наиболее близких ему по духу поэтов) уже завершил свой путь. Так распорядилась судьба.

А судьба у него сложилась драматично. Пришлось хватить ему и сиротского, и тюремного лиха, довелось *«надышаться золой скитальческих костров»*. Ну а жизнь свою закончил и вовсе трагически: наложил на себя руки. Был в это время поэт, что называется, на взлёте: много и хорошо писал, с успехом выступал перед многочисленными читательскими аудиториями, печатался в цен-

тральной прессе, только что издал поэтический сборник в Москве и вдруг...

Непредсказуема душа поэта...

Но этому трагическому финалу предшествовало почти десять лет самозабвенной поэтической работы.

Первые стихотворения Геннадий Лысенко опубликовал в Приморской краевой молодёжной газете «Тихоокеанский комсомолец». Но дебют его не стал рифмованным лепетом начинающего. Скорее – разведкой боем. Как засидевшийся на печи Илья Муромец, Геннадий Лысенко разминал косточки, чтобы вскоре стремительно, с непоколебимой верой в то, что он не ошибся дверью, ворваться в поэзию.

Во Владивостоке, где Геннадий жил и работал, на рубеже 1960–1970-х годов уже были довольно интересные поэты (Илья Фаликов, Юрий Кашук, Александр Романенко и др.), но почти безоговорочно, что крайне редко бывает в поэтической среде, они приняли его: сначала как равного среди равных, а затем – и как лучшего среди них. И это при всём том, что был он и колюче-угловатым, и вспыльчивым, и не слишком уживчивым. Тем не менее, для такого признания собрата-новичка у приморских поэтов имелись веские основания: как сугубо литературные, так и чисто человеческие.

*Пристрастный к Родине,
К друзьям, и в мелочах,
и в самом главном,
я весь,
как маленький изъян,
на плёнку снятый крупным планом...*

Здесь, в сущности, весьма точно запечатлён сам Геннадий Лысенко. Впрочем, автопортретом в значительной степени можно считать и всё его творчество: каждое стихотворение

поэта – прямая речь, обращённая непосредственно к нам, читателям, откровенный разговор или даже проповедь в форме исповеди на материале собственной жизни.

В стихах Геннадия Лысенко мы не встретим традиционного «лирического героя». Есть сам поэт, и это принципиально важно. Особое обаяние, особенная притягательность его стихов как раз и заключается в предельной личностности, в безусловной жизненной обеспеченности каждой строки.

Свою биографию и устно, и, тем более, письменно Геннадий Лысенко излагал очень редко. Вероятно, из-за некоторых в ней «изъянов». Да в том и не было особой нужды, потому что всё о нём главное можно было узнать из его стихотворений. И о сиротском послевоенном детстве, когда он *«зло работал» «как равный среди мужчин»*, в *«тринадцать лет мог ходить за плугом»*, а *«в четырнадцать со взрослыми косил»*; о бабушке с дедушкой, передавших ему уважение к тяжелому, чёрному труду. И впоследствии, с полным на то основанием, поэт скажет: *«Вот хлеб мой – я вырос на чёрном»*. А ещё, имея за плечами геологоразведку, опыт моряка и рабочего-литейщика, с не меньшим основанием напишет: *«Я держал в руке и серп, и молот – и ковать умею, и косить»*.

Далёким годам детства и юности Геннадий Лысенко посвятил немало стихотворений *«Мне не прорвать кольца воспоминаний, // не отложить былого на потом»*, – признавался поэт. Да и было ему, было, что вспомнить (*«я помню такие детали, какие не помнит никто»*). Но это не воспоминания ради воспоминаний. Есть две важные причины, по которым Лысенко обращается памятью в прошлое. Во-первых, потому, что *«там каждый куст и камешек наука»* (наука жить, работать, наука быть человеком), а во-вторых – потому, что именно тогда, подростком, поэт *«первый раз подумал о народе, как о себе, в единственном числе»*.

И это ощущение кровной связи со своим великим народом, с его исторической судьбой, остались в душе Геннадия Лысенко навсегда, обостряясь и вспыхивая в самые, казалось бы, неожиданные моменты:

Обрубка стали:

Гулкий звон чеканки,

Багровый дым

И пыль – не продохнуть;

В литейном жарко.

*«Как под Курском в танке» –
на перекуре скажет кто-нибудь.*

И связь времён, утерянная мною,

вдруг дрогнет в пальцах,

словно проводок,

протянутый меж миром и войною,

и боль моя войдёт в него

как ток.

Чтоб я услышал голоса убитых

и, составляя целое из крох,

понятье – жизнь

прочувствовал как выдох,

переходящий медленно во вдох.

Это одно из лучших стихотворений Геннадия Лысенко на так называемую трудовую тематику. А написано у него о рабочем классе достаточно много. И хотя не всё здесь равноценно, зато всё честно и искренне, всё увидено своим и только своим взглядом. Во всяком случае, у Геннадия Лысенко нет пресловутых представителей класса-гегемона, а есть живые запоминающиеся люди, ощущается напряжённая и по-своему романтическая атмосфера будничного труда, в которой «*сталевар пропах металлом*», а «*сварщик молнией пропах*», где

«маркировщица, как дятел, тук да тук», а в ремонтном доке «как веснушки, у судов сияют новые заклёпки». Иначе говоря, труд рабочего человека под пером Геннадия Лысенко становится явлением истинно поэтическим.

Этого, между прочим, не так-то легко добиться, и это уже само по себе есть немалая удача, на конъюнктурном гребне которой можно было преспокойно плыть дальше. И критика того времени поспешила объявить молодого поэта певцом рабочей темы, вводя в заблуждение тех, кто не знал хорошо его творчества, потому что Геннадий Лысенко никогда не был апологетом какой-то одной темы. Темой для него являлась, по сути, вся жизнь в различных её проявлениях, а то или иное рождённое им стихотворение поэтически отобразило и преломляло какой-то определённый миг бытия, текущей повседневности. Ну а поскольку Лысенко несколько лет проработал на крупнейшем предприятии Владивостока «Дальзаводе», в литейном цехе обрубщиком металла, это не могло не отразиться в его стихах, хотя и тут он оставался прежде всего поэтом – «*поэтом мускульной работы*», как он сам себя называл, который почитал за счастье «*руками добывать свои строчки и хлеб*».

Писать же, в принципе, Геннадий Лысенко мог о чём угодно. Есть у него вещи для его творчества совершенно неожиданные. Например, никогда практически его поэтический взгляд не обращался к животным. Тем удивительнее наткнуться в книгах Лысенко на замечательное стихотворение о старой собаке, которое никак не спутаешь с тысячами других поэтических собратьев о братьях наших меньших:

Собака была старой,

Белой.

Уже поговаривали:

куда бы её деть?

*А собака умела
прямо в душу глядеть.
И однажды,
прильнув к колену,
сгустком верности и тепла,
собака почувствовала измену,
вышла из дому –
и умерла.*

Несмотря на тематическую разнообразность, Геннадий Лысенко не был поэтом всеядным и неразборчивым. Он жил главным и писал о главном. «*Живу любовью и трудом*» – так определил он содержание собственной жизни и творчества. Причём «любовь» здесь поставлена на первое место не просто из соображений поэтической благозвучности. Любовь действительно имела для Геннадия Лысенко первостепенное значение. И не только традиционная любовь к женщине или природе. Любовь для него понятие гораздо более широкое: к народу своему, к родине – большой и малой, делу которым живёшь, к слову, рождающемуся в сердце, к разлитой в мире красоте, наконец... А иной раз всё это у Геннадия Лысенко органично сплавляется воедино, превращая обыденную бытовую зарисовку в своеобразное поэтическое обобщение:

*Поступит,
как из-под резца,
уже забытое когда-то
лицо – и нет на мне лица.
Взгляну на пьющих виновато.
Шагну в потёмки,
в тишину,
оставив стол с нестройным хором –
мне жаль персидскую княжну*

и Стеньку жалко.

Коридором

*пройду до красного крыльца –
считать скрипучие ступени.*

*Как зверь, безжавший от ловца,
уткнётся грусть в мои колени.*

Уткнётся грусть.

Я сам уткнусь

*в комок тепла с собачьим мехом,
мне жаль ушедшего...*

О, Русь!

Сольётся эхо с женским смехом.

*И осторожная рука,
ещё чужая сквозь болонью,
погладит проседь у виска
и обожжёт плечо ладонью.*

Как, наверное, и у большинства поэтов, было у Геннадия Лысенко два самых любимых объекта изображения: природа и женщины. И то, и другое умел он живописать с редкой изобретательностью. Подчас хватало ему одного колоритного исчерпывающе ёмкого мазка, чтобы явить читателю прямо-таки космогоническую картину.

Какая тишь...

*Как рысь по кедру,
взойдя туда, где Млечный Путь,
дымок показывает ветру,
в какую сторону подуть.*

Вообще же, следует заметить, стих Геннадия Лысенко, как правило, очень образный и афористичный, нередко держится на какой-то одной зримой запоминающейся метафоре, в которой поэт ухитряется очень естественно соединить оба своих любимых предмета – природу и женщину.

*Расходятся у речки берега –
камыш завял,
деревья опустели,
а это возмутительно слегка,
как образ,
воплощённый в женском теле.
Он беззащитней выглядит нагим,
он в меру розоват и обтекаем,
о, мы уж сотни лет в него вникаем,
и сотни лет пасуем перед ним.
Как будто признавая божество,
боимся опознать его во плоти,
а женщина справляет торжество,
свалив к ногам весёлые лохмотья.*

А вот как увидел поэт безжалостно сломанное чьей-то
рукой (или срубленное) дерево:

*Измазав жёлтый полушалок
багровой глиною кювета,
берёза белая лежала,
как совесть,
брошенная кем-то.*

В своих стихотворениях Геннадий Лысенко много писал
о состоянии природы в разные времена года. Но они и со-
бранные вместе не кажутся монотонными вариациями на
заданную тему, потому что в каждом возникают и новые
краски, и новое настроение. Тем более что во временах года
поэт видит не только естественный круговорот природы, но
и эволюцию собственного душевного состояния.

*А в том июле – что я понимал?
и август был случайный, как описка,
как будто что-то к телу принимал,
не принимая к сердцу слишком близко.*

*Но вот,
срывая,
комкая,
шурша, сентябрь прошёл,
снег очищенья выпал
и с каждым днём разборчивей душа,
и с каждым – ограниченнее выбор.*

Наблюдая за природой в разные времена года, поэт не только пытается найти какие-то отзвуки её состояния в себе самом, но и задумывается над вечными вопросами о сути бытия, выходя за рамки собственного «эго» на простор и глубину лирико-философского размышления. Но при этом остаётся самим собой, то есть художником настолько же красочно-образным, оригинальным, настолько и доступным для восприятия даже для самого неискущённого читателя.

*Вот по весне
земля для всех сырая,
но грязь лишь тем,
кто начинал тропу;
апрель со снегом краски растирает,
разводит на берёзовом соку.
Капель упала,
словно капли пота,
и мне секрет открылся невзначай:
ему,
загрунтовавшему полотно
не увидеть,
что нарисует май.
Так вот в чём жизнь.
Так вот она какая.
В ней всё для всех,*

но каждому своё.

Всё просто,

словно небо с облаками,

похожими на свежее бельё.

Ещё не нарисована картина.

Ещё художник в мире не рождён.

А жизнь идёт,

и нет в ней середины

между последним снегом и дождём.

Поэт Геннадий Лысенко так и прожил – без середины. Имея «сердца – больше чуточку, чем надо», он «работал, дрался, обнимал» и каждодневно обращал жизнь свою в музыку новых и новых стихов. Иначе не мог, не умел, не хотел.

По собственному признанию, был он «поэт – не от Бога, – от себя, от России» и шёл с ней одной дорогой. Нелёгкой оказалась его стезя. Трудной, но и счастливой, потому что в итоге обернулась песней: задушевной, чистой, пусть не слишком громкой, но искренней – песней, которая ещё не раз отзовется в сердце каждого, кто её услышит.

